

«Маргинальность» текстового анализа, или Проблемы социологического «чтения»

Ирина Троцук

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов
Адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация 117198
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Вторую половину XX века ознаменовала целая серия так называемых «поворотов» — лингвистический, нарративный, биографический и визуальный поворот обозначили смену исследовательских акцентов в рамках социально-гуманитарного познания. Представители самых разных дисциплинарных областей признали, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их «текстовой» (нарративной, повествовательной) природы; что любые исследования в области социальных, политических, психологических и культурных проблем в итоге оказываются сфокусированы на вопросах, близких лингвистике и языкознанию; что социальность имеет текстовый характер, а социальные практики конституируются и структурируются дискурсивно и нередко в сложной борьбе различных дискурсов. И в социологии вот уже, по крайней мере, на протяжении двух с половиной десятилетий понятия «нарратив» и «нарративный анализ», «дискурс» и «дискурсивный анализ», «текст», «контекст», «интертекст» и др. стали весьма популярны на теоретическом и эмпирическом уровне, но до сих пор не получили точных определений и трактуются достаточно произвольно, исходя из концептуальных и методических предпочтений исследователя, а также стоящих перед ним целей и задач прикладного или фундаментального характера. В статье обозначены основные тематические линии ведущихся и, к сожалению, отсутствующих методологических дискуссий в поле текстового анализа, которые бы смогли прояснить как минимум критерии номинации разных форматов исследовательской работы с текстовыми данными; предложен вариант структурирования понятийно-категориального аппарата текстового анализа в социологии, выходящего далеко за пределы даже максимально расширительных трактовок контент-анализа.

Ключевые слова: текст, текстовый анализ, нарратив, нарративный анализ, дискурс, дискурс-анализ, контент-анализ

Открывая любой вузовский учебник по методологии и методике социологических исследований, мы обычно сталкиваемся с разными авторскими версиями систематизации тех ситуаций, с которыми на эмпирическом уровне работает любой исследователь, а также вариантами классификации возможных методик их изучения. Все это многообразие, как правило, сводится к хорошо всем знакомой и очевидной схеме: в распоряжении социологов имеется два общенаучных метода (наблюдение и эксперимент) и два междисциплинарных (опрос и анализ документов). Технично-процедурное оснащение каждого из них отличается в силу особенностей

© Троцук И. В., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

сбора, обработки и анализа информации, но вряд ли кто-то сегодня сомневается, что эмпирический фундамент социологической науки с момента ее зарождения и по сей день формируют данные, полученные с помощью разнообразных вариаций опросного метода, хотя на вспомогательных ролях в них могут фигурировать отдельные приемы наблюдения и анализа документов. В итоге самые объемные разделы в пособиях по методологии и методике социологических исследований, большинство статей в соответствующих рубриках социологической периодики и даже целые учебники и монографии посвящены именно опросным методикам.

Это связано не только с их популярностью и доступностью (по массе научных и вненаучных причин), особенно репрезентативных массовых опросов, фокус-групп и экспертных интервью, но и с серьезными ограничениями других методических решений: эксперимент — вещь не только крайне сложная в плане соблюдения всех правил научного метода, но и весьма сомнительная в этическом аспекте, когда речь заходит о проведении экспериментов с «человеческими особями»¹; любое наблюдение слишком локально, трудоемко и грешит плохо контролируруемыми смещениями внутренней и внешней валидности, чтобы стать широко распространенным видом исследовательской работы. Если этические проблемы «манипуляций» ученого в экспериментах достаточно давно были признаны и стали обсуждаться в разных дисциплинах, то в связи с развертыванием и популяризацией в последние десятилетия качественного подхода в социологии шаткость позиций включенного наблюдателя проявилась особенно выпукло (см., напр.: Воронков, Чикадзе, 2009): сложно соблюсти требования объективной научной работы под влиянием сильнейшей эмоциональной реакции в момент взаимодействия социолога как человека с теми, за кем он должен максимально беспристрастно наблюдать, что практически невозможно в ситуации непосредственного личного взаимодействия. Проблема здесь двойственная: с одной стороны, исследовательскую оптику может затуманить слишком сильное сопереживание, чрезмерная «влюбленность» в своих информантов — бороться с ней обычно помогают иронические и критические замечания и комментарии скептически настроенных «коллег по счастью быть социологом», которым, в отличие от пристрастного наблюдателя, удалось оставить большую часть своего человечески-обывательского багажа дома, а мешают — гипертрофированные формы откровенного самокопания и самовыворачивания исследователя («плохая» автоэтнография²). С другой стороны, чтоб понимать и корректно интерпретировать иной жизненный мир, необходимо «смотреть» на него сходным образом с его повседневными «конструкторами», но нужного гра-

1. Кинематограф оказался неплохим «диагностом» проблем социального экспериментирования. См., напр., фильмы «Эксперимент» (Германия, 2001), «Эксперимент-2: Волна» (Германия, 2008), американский римейк первого фильма «Эксперимент» (США, 2010) и др.

2. Под «хорошей» автоэтнографией понимается попытка «внимательно взглянуть в себя через широкие этнографические линзы, чтобы сосредоточиться на социальных и культурных аспектах личного опыта»; стремление подробно, детально, всесторонне репрезентировать реальность через тщательное, скрупулезное изучение собственного внутреннего мира (см., напр.: Готтлиб, 2004: 6; Anderson, 2006: 375).

дуса эмпатии к ним может не случиться — возобладают «театрализованный креатинизм» заигрываний с информантами и интеллектуальный шовинизм «умного» социологического взгляда.

Казалось бы, проблему субъективных смещений в ходе личного взаимодействия в некоторой степени снимает метод анализа документов³, но ему не очень повезло в социологии: до сих пор ему не удалось разжиться четким и однозначным понятийно-категориальным аппаратом, не говоря уже о стандартах методических решений и действий на всех этапах исследовательского проекта, где метод анализа (содержания) документов выступает в качестве основного, а не вспомогательного. Точнее так: в большинстве социологических учебников и статей речь идет только о контент-анализе, а потому особой терминологической или процедурной путаницы не наблюдается⁴. Логика действий исследователя здесь такова: признавая, что некие документы содержат зафиксированную по установленным в рамках определенной культуры и институционального контекста формам и правилам информации о прошлом и/или современности, важную с научно-исследовательской и/или практической точки зрения, социолог осуществляет отбор и анализ соответствующих документов, чтобы реконструировать стоящую за ними действительность и оценить соотношение их содержания с реальностью, задачами авторов и возможной реакцией аудитории. Независимо от того, какие именно документы рассматриваются — официальные или личные, письменные, звуковые или изобразительные (фотографии), первичные или вторичные и т.п., — основные преимущества метода связывают с его оперативностью, незатратностью, легкой воспроизводимостью и способностью превращать огромные массивы разрозненной информации в набор внятных содержательных блоков, чтобы определить, например, куда дует медийный ветер; ограничения — с отсутствием гарантий достоверности и надежности содержащейся в документах информации (может потребоваться внешняя оценка обстоятельств их создания) и правильного понимания мотивов их авторов, с систематическими смещениями вследствие неизбежного временного лага при анализе значительных объемов данных; сложности — с конструированием выборки документов и текстовых фрагментов внутри них и всегда очень авторской моделью сведения их содержания к набору неких релевантных целям и задачам исследования информационных блоков.

Ничего принципиально нового, по сравнению с другими методами, описание контент-анализа в большинстве социологических источников не содержит: нужно разработать программу исследования, сконструировать генеральную и выборочную совокупность (фигурируют в качестве их элементов респонденты или доку-

3. Это наиболее часто встречающееся в вузовских учебниках название совокупности методических приемов отбора, анализа и интерпретации информации, зафиксированной в печатном или рукописном тексте и на любых носителях

4. См., напр., соответствующие разделы в: Горшков, Шереги, 2003; Добренков, Кравченко, 2004; Мангейм, Рич, 1997; Осипов, 2003; Ядов, 1998; а также: Аверьянов, 2009; Богомолова, Стефаненко, 1992; Коробейников, 1985; Тернер, 1992; Троцук, 2005, 2006, 2007; Чураков, 1996; Шалак, 2004; Федотова, 2001; Weber, 1990 и др.

менты — не важно), каталогизировать единицы выборки, разработать инструментарий, контролируя количество и «качество» категорий и входящих в них единиц анализа и счета, провести полевой этап и подготовить всю необходимую техническую и аналитическую документацию. Казалось бы, чего уж проще — по крайней мере, на уровне общей схемы работы — для любого «нормального» социолога. Однако на деле проблем здесь множество, начиная с того, что, как правило, учебники разводят качественный (традиционный, интерпретативный) анализ — как совокупность операций отбора и оценки документов, восприятия и интерпретации их содержания и логического обоснования выводов на основе задач и гипотез исследования без какой бы то ни было формализации — и собственно контент-анализ, или «текстуальное кодирование» (Ньюман, 1998), как строгий, объективный и жестко формализованный метод перевода текстовой информации в количественные показатели с последующей статистической обработкой и содержательной интерпретацией выявленных числовых закономерностей, чтобы сделать выводы более доказательными, а аргументы — более весомыми (Неклюдов, 2001: 31–33). Нередко подчеркивается, что для (авто)биографических данных контент-анализ «неадекватен в эвристическом смысле» (Серио, 2002: 199), поскольку «вскрытие» содержания информации в нем основано на предварительных гипотезах и заранее разработанной категориальной модели предмета исследования, т. е. аналитик просто иллюстрирует свою точку зрения.

Почему здесь возникает путаница: хорошо, если я по тем или иным причинам уже ориентируюсь в проблеме и могу сразу предложить схему кодирования (разработать так называемый «кодификатор», «классификатор» или «таблицу контент-анализа»); но если речь идет о заказном проекте или некоем новом, ранее не изученном феномене (или типе данных), то начинать контент-анализ приходится с традиционного интерпретативного, т. е. последний оказывается встроен в контент-аналитическое исследование как его обязательный первый этап. Второй вопрос: а какая степень формализации достаточна, чтобы можно было говорить о проведении именно контент-анализа? Работа с объемным транскриптом только одной групповой дискуссии в целях обнаружения базовых тематизаций или контекстов обсуждения проблемы без какого бы то ни было инструментария — это контент-анализ? Или без детальной схемы кодирования, в которой четко прописаны категории и единицы анализа, без подсчета абсолютной и относительной частоты их встречаемости в информационном массиве и расчета индексов и коэффициентов о контент-анализе говорить нельзя? В случае положительного ответа на последний вопрос мы, кстати, сразу отказываем контент-анализу в праве изучать слабоформализованные «тексты» с сильным семиотическим компонентом (например, татуировки и фотографии).

Можно условно выделить два подхода к решению обозначенных проблем с маркировкой предметного поля и нормативных требований к контент-анализу. Первый подход включает в себя разнообразные попытки внутренне структурировать метод, которые мало что проясняют, например, разведение прагматического

контент-анализа (классификация высказываний с последующим установлением причинно-следственных связей между ними), семантического (систематизация символов в зависимости от их значений и частоты упоминаний) и психологического (изучение эмоциональной окрашенности высказываний и умолчаний) (см., напр.: Дмитриева, 1998: 92; Vincent, 2000). Второй подход предлагает расширительную трактовку контент-анализа, выделяя две его разновидности (вполне по аналогии с опросом, в рамках которого прекрасно сосуществуют анкетирование и интервью): традиционная частотная модель описывает содержание текста на основе заранее обоснованных параметров (классическая трактовка контент-анализа), нечастотная — открывает «формулу» содержания текста и характеризует создавшего его субъекта (Таршис, 2002). Е. Я. Таршис усматривает истоки становления и институционализации частотной модели контент-анализа в работах Г. Лассвелла, нечастотной — в трудах В. Я. Проппа, которого при всем желании вряд ли можно отнести к числу социологов (Таршис, 2012). Таршис использует устоявшуюся социологическую терминологию, описывая методику контент-анализа (категории, единицы, кодирование и т. д.), но неоднократно подчеркивает, что в рамках обеих моделей может осуществляться неформализованная обработка информации без каких бы то ни было количественных показателей (Таршис, 2014).

Вышедшая недавно книга Таршиса «Контент-анализ: принципы методологии» фактически обозначила переход к более существенным для социологии проблемам, чем размытость предметного поля и неоднозначность методических акцентов в исследовательской работе с применением контент-анализа. Дело не только в том, что в методическом разделе книги используются малопонятные, но ключевые для контент-анализа, по мнению автора, понятия — «юнитизация» («разборка текста на единицы содержания и сборка нового текста» (Таршис, 2014: 47)) и «текстоид» (единица текста и родовое понятие для любых его единиц), а в качестве объекта методического эксперимента и одновременно пилотажного проекта выступает «Экклесиаст». Важнее, что Таршис позиционирует контент-анализ как научный метод изучения любых текстов, «основанный на критерии воспроизводимости результатов исследования в рамках созданной методики», а не «оригинальное, авторское прочтение содержания текста» (Таршис, 2014: 14), подчеркивая его принципиальное отличие от прочих способов/подходов, «декларирующих себя оригинальными методами анализа текста». Однако Таршис фактически сближает с ними контент-анализ, утверждая, что со временем он осуществит переход от слов/лексем к высказыванию как многокомпонентной структуре и целым текстам; что отсутствует единая конвенциональная, общепринятая и общепризнанная трактовка текста; что терминология текстового анализа крайне неустойчива; что аналитик всегда имеет дело с сокращенным и фрагментарным внешним текстом — результатом преобразования некоего первоначального внутреннего текста; что необходимо учитывать соотношение текста, контекста, интертекста, гипертекста и метатекста и двойственную природу любого текста — он обладает внешней лингвистической структурой, в которой отражены ценностные и пси-

хологические особенности автора, и характеризуется сочетанием имплицитного и явно выраженного замысла; что исследователь всегда исходит из собственных задач и возможностей, а потому по определению репрезентирующая содержание модель не может быть полной — мы знаем только, что любой текст «создается по крайней мере с двумя целями — описать определенную референтную ситуацию и воздействовать на потенциальную аудиторию», но сам характер описания неизбежно производит на нее определенный эффект (Таршис, 2014: 115).

Иными словами, в книге о контент-анализе активно используется понятие «текст», а не «документ», для обозначения объекта изучения, а элементы предметного поля метода явно коррелируют с теми, что составляют суть лингвистического анализа (и близких к нему версий дискурс-анализа (напр.: Ван Дейк, 2014)). Кроме того, допущение неформализованного формата исследовательской работы размывает демаркационные линии между контент-анализом как строгим научным методом и теми разнообразными подходами к текстовому анализу, что не особенно озабочены своим научным и дисциплинарным статусом и терминологическим единством, не фигурируют в учебниках по методологии и методике социологических исследований, но исключительно популярны в социологической публицистике и периодике, — прежде всего это нарративный и дискурсивный анализ. Здесь мы, к сожалению, попадаем скорее в «слепое», чем «белое пятно» на карте социологии, потому что количество отечественных и переводных работ, основанных на результатах применения разнообразных версий текстового анализа, растет, а методических дискуссий об их понятийно-категориальном аппарате, областях применения и взаимосвязях не ведется. Популярность текстового анализа дошла и до выпускных квалификационных работ студентов⁵, которые в ответ на вопрос, почему, прочитав про дискурс-анализ (Филлипс, Йоргенсен, 2004), они остановили свой выбор на модели Э. Лаклау и Ш. Муфф, а не, скажем, дискурсивной психологии, критическом дискурс-анализе Н. Фэйркло или Т. А. ван Дейка, концепциях М. Фуко или Р. Барта, спокойно отвечают, что она им просто понравилась. Неплохой ответ, но вряд ли уместный, если автор дипломной работы претендует, например, на выявление ключевых характеристик российского оппозиционного политического дискурса в сети интернет.

Теоретически возможны два возражения против предлагаемой методологической дискуссии о статусе, возможностях и ограничениях текстового анализа в социологии: 1) из серии «ну сколько можно» — в социологии и так много «споров о методе», в отечественной традиции периодически возобновляется обсуждение пределов математизации (применения математического инструментария) в эмпирических исследованиях (см., напр.: Давыдов, Толстова, Розов); 2) схожее по тональности, но не по содержанию возражение — проблемы текстового анализа имплицитно уже были обозначены в спорах о соотношении качественного

5. Провести якобы дискурс-анализ сайта оппозиционного политика намного проще и безопасней с точки зрения защиты дипломного проекта, чем реализовать даже разведывательный экспресс-опрос.

и количественного подходов, поскольку каждый из них имеет дело со своим типом эмпирических данных, требующих особых аналитических приемов. Конечно, в программной статье «Миф о качественной социологии» (Батыгин, Девятко, 1994) проблемы текстового анализа не затрагивались — на тот момент они не были центральными или значимыми для «разговора» о структуре и статусе социологического знания. В статье была отмечена относительная стройность качественно-количественного подхода в том, что касается «онтологии» социального, и «эпистемологическая куча» в методологических сюжетах и практической исследовательской работе; термин «дискурс» использовался для характеристики деятельности ученых (коллективные практики производства смыслов и борьба разных «сообществ дискурсов»).

Десятилетие спустя, когда спал эмоциональный накал дискуссии российских социологов о соотношении качественного и количественного подходов⁶, «проблема текста» обозначилась, но в крайне фрагментарном виде. Упреки качественным методам в «журнализме» и «ненаучности» стали увязываться в том числе с нечеткими правилами сбора и анализа текстовой информации: качественный подход отказался от свойственной количественному подходу артефактуальности и «лукавой игры в цифры», но не предложил «внятных форм концептуализации социальных практик и отношений — феноменология, постструктурализм, теория прозы, дискурсивный анализ, психоанализ, ставшие неотъемлемой частью «качественных» исследований, вряд ли стали общедоступными формами концептуализации реальности в социологическом сообществе» (Ушакин, 2004б). Кроме того, «широкое распространение за рубежом исследований, ориентированных на анализ «человеческих документов», стало отражением тенденции сближения «социальных наук» и «общества», связанной с попыткой свести в одном (текстуальном) пространстве объект исследования, автора исследования и читателя — потребителя конечного исследовательского продукта» (там же), что определило, с одной стороны, сближение деятельности ученого и литератора (явственно проявились и были признаны неизбежными художественные, риторические элементы и качества научного текста); с другой стороны, интерес социологии к «социобиографическим» данным, но фокусировку не на особенностях аналитической работы с ними, а на возможностях получения посредством неструктурированных многословных повествований максимально реалистичного представления о социальной действительности.

Таким образом, текстовый анализ применительно к биографической информации отчасти попал в поле методологических дискуссий: первоначально социологи и историки, открывшие биографический материал, считали его идеальным для выяснения, что происходит на самом деле (Томпсон, 2003), но первоначальная эйфория быстро сменилась «трехпадением» — пониманием, что не существует ни одного «невинного текста», за которым последовало «покаяние» — признание,

6. См.: Неприкосновенный запас. 2004. № 3.

что внутри любой биографии существует каузальный нарратив, соединяющий во-едино разные события описываемой жизни, и «искупление» — осознание необходимости анализа способов, с помощью которых социальные и культурные коды воздействуют на биографические данные (Руус, 1997). Дискуссии по поводу текстового анализа если и велись, то в основном касались проблемы истинности текстов и правильного понимания их внетекстовых референтов. Проблема истинности не является лингвистической и возникает, когда мы оцениваем текст как отражение социальной действительности: одни исследователи считают, что текст воспроизводит (с учетом неизбежных смещений, обусловленных самим фактом вербализации) реальные события; другие полагают, что действительность конституируется текстами, любое повествование — всегда избирательная (ре)конструкция (Воробьева, 1999: 96), т. е. фактографическая канва текста соответствует общезначимым историческим событиям как определенным контрольным точкам, а встроенная в него «интерпретация имеет свое субъективное обоснование, и уже в силу этого обстоятельства истинна» (Божков, 2001: 78), как и любое самоописание, которое кажется аутентичным самому рассказчику (Suchan, 2004: 304).

Если социолог работает в рамках иллюстративной логики, то сосредотачивается на фактографической канве, чтобы вычленив в тексте положения, подтверждающие его предварительные гипотезы (см., напр.: Козлова, Сандомирская, 1997; Семенова, Фотеева, 1996: 412–413). Если перед исследователем стоит задача интерпретации, то он занимается сложной и кропотливой реконструкцией смыслов, пытаясь ответить на вопрос, как и почему рассказчик навязывает ему «предпочтительное» прочтение своих текстов и «образ мира» (Барт, 2001: 16). В обоих случаях «читатель» неизбежно привносит в текст свои смыслы «благодаря собственному «интертекстуальному фрейму», «интертекстуальной энциклопедии», своей эмпатической компетентности и общности своего и «чужого» прошлого жизненного опыта» (см., напр.: Готлиб, 2001; Franzosi, 1998: 546), что усугубляет проблему получения объективного знания в рамках качественного подхода: по определению данные любого слабоформализованного интервью — уже результат коммуникации интервьюера и информанта, их совместного «здесь-и-сейчас» конструирования реальности, на который воздействуют такие факторы смещений, как особенности и ограничения человеческой памяти (Мещеркина, 2004а: 18–19; Томпсон, 2003: 133), «архетипические» схемы запоминания мест, событий и образов (Батыгин, 2002: 106) и др. Можно говорить об относительном консенсусе и в том смысле, что общепризнана способность (авто)биографического текста определенным (пусть фрагментарным и искаженным) образом отображать действительность и необходимость расшифровки (декодирования) текста, чтобы постичь некую «подлинную» реальность (Козлова, 2000), однако в социологической учебной литературе и периодике не содержится конкретных рекомендаций по поводу того, какими методическими приемами и под какой именно «вывеской» следует осуществлять подобную исследовательскую работу.

На Западе «спор о методе» трансформировался из дискуссии о соотношении качественного и количественного подходов в детальный анализ концептуальных оснований, методического оснащения и аналитических приемов первого (см, напр.: Patton, 2002): исторически методологические дебаты велись о противостоянии качественных и количественных исследований или же, наоборот, подчеркивали их принципиальную совместимость, но позже пришло понимание чрезмерного упрощения обеих схем дискуссии и необходимости прояснять основы исследовательской работы в рамках качественного подхода. В частности, стали обсуждаться понятия валидности и надежности данных, заимствованные из количественной традиции и прежде подвергавшиеся критике со стороны сообщества «качественников», которых сегодня объединяют поиски ответа на вопрос «Как добиться качества в качественном исследовании?» (см., напр.: Seale, 1999). Одним из ответов на него стало признание возможности применения формализованных методик в анализе неструктурированных текстовых данных (Green, 2001): качественный и количественный подходы не столь уж категорически различны, а потому качественные данные (тексты) и количественные (числа) могут анализироваться с использованием как качественных, так и количественных методик. Качественный анализ количественных данных включает в себя, например, обнаружение противоречий в прежних и новых цифрах; количественный анализ качественных данных — превращение текстов в числа, кодирование этнографических описаний и интерпретацию обнаруженных таким образом закономерностей.

Тем не менее и в западной социологии редко предпринимаются попытки прояснить ключевые моменты в анализе текстовых данных и предложить некую общую модель «последовательного кодирования». Один из редких примеров — «обоснованная теория», разработанная А. Страуссом, Б. Глейзером и Дж. Корбин (Страусс, Корбин, 2001) и нередко критикуемая за понятие «теоретической сенситивности», или личной изоощренной способности исследователя осознать внутренние «тонкости» в данных, которая зависит от начитанности автора, его научного опыта и «представляет собой в конечном счете способность к озарению» (Батыгин, Девятко, 1994). В «обоснованной теории» много неоднозначных моментов, но она фокусируется на двух важнейших проблемах текстового анализа: конструировании выборки и разработке схемы кодирования. В отличие от количественного исследования, где она выступает рутинной технической процедурой, в качественном проекте схема кодирования отвечает за организацию исходных (текстовых) данных посредством их уплотнения, тематического «укрупнения» и категоризации, т. е. коды — «аббревиатуры или символы, прилагаемые к сегментам текста, чтобы их классифицировать... и разместить в кластеры, относящиеся к определенным вопросам, гипотезам, концепциям или темам» (Готлиб, 2002: 158–159). Соответственно, предложенная авторами «обоснованной теории» «теоретическая выборка» имеет нестатистический характер и отражает не объект, а модель предмета исследования, т. е. все те условия, действия и следствия, которые определяют особенности «поведения» изучаемого феномена. Кодирование, на основе которого

формируется «обоснованная теория», проходит в три этапа (Страусс, Корбин, 2001): открытое кодирование — идентификация и развертывание понятий с точки зрения их свойств (маркировка схожих случаев «ярлыками» и группировка в категории), использование кодов информантов; осевое — укрупнение категорий с учетом влияющего на них контекста и стратегий их взаимодействия друг с другом; избирательное — выбор центральной категории из уже идентифицированных (или формулировка более абстрактного понятия) и связывание всех наиболее важных категорий с ней и друг с другом для создания аналитической истории феномена. Проблему субъективности на всех этапах кодирования можно снять с помощью групповой работы, в ходе которой согласуются варианты интеграции кодов и повышается пресловутая «теоретическая чувствительность» исследователей (Готлиб, 2002: 263–266).

Как правило, авторы работ, посвященных тем или иным вариантам текстового анализа, ограничиваются упоминанием, что многие фундаментальные понятия социальных наук сложны и неясны (прежде всего текст и дискурс, что не помешало их популярности), обозначением предпочтительного формата аналитической работы (конверсационный анализ, нарративный, биографический, дискурсивный или какой-то другой) и четким указанием, какое именно «измерение» феномена будет исследоваться (так, вербальная агрессия в публичном дискурсе может рассматриваться как вторжение в коммуникативное пространство адресата на речевом, аксиологическом или когнитивном уровне). Т. А. ван Дейк (2014), изучая власть через тексты/речи/семиотические практики, которые результируют в типичных формах социального неравенства и несправедливости во взаимоотношениях групп/организаций, однозначно квалифицирует свою работу как критический дискурс-анализ и столь же категорично утверждает, что единого метода в нем не существует и можно применять любые приемы, соответствующие целям исследования, включая грамматический, риторический, стилистический, прагматический, конверсационный и семиотический анализ и дополняя традиционный контент-анализ качественным анализом дискурса, т. е. если и не игнорирует терминологическую и методическую размытость текстового анализа, то совершенно точно ее не проблематизирует.

Таким образом, несмотря на широкое использование, терминология текстового анализа до сих пор не получила однозначной теоретической и эмпирической интерпретации в формальном и содержательном отношении, что не представляет особой проблемы для тех дисциплин (и междисциплинарных направлений), которые не озабочены поиском четких эмпирических индикаторов для семантических обозначений объекта и предмета исследования, обеспечением репрезентативности данных и возможности экспликации выводов на широкий социокультурный контекст, что принципиально важно для социологии. Безусловно, самые популярные и внутренне неоднородные версии текстового анализа сложились отнюдь не в социологии, но все активнее ею используются, причем со всем их внушительным багажом заимствованных из психологии, лингвистики, фольклора, стилистики,

этнографии и прочих предметных областей разнообразных понятий, методических решений и процедурных предпочтений, что не отменяет, а, наоборот, подчеркивает необходимость обсуждения и прояснения социологически релевантных трактовок базовых понятий текстового анализа и логики действий исследователя в рамках работы со слабоструктурированными данными. Можно начать с попытки упорядочить самые неоднозначные понятия прикладного текстового анализа по степени снижения их «теоретичности» и возрастания «эмпиричности»: самый конструируемый термин — «дискурс», промежуточный — «метанарратив», эмпирический — «нарратив», который всегда отражает базовые тематизации, синтаксис и семантику доминирующего дискурса (например, поддерживаемую элитами националистическую идеологию), воспроизводя циркулирующие в обществе и конституирующие данный дискурс метанарративы (о необходимости патриотического воспитания, противодействия эфемерной внешней угрозе и т. д.).

Предлагаемое разведение понятий позволяет уточнить позиции и разных видов текстового анализа в социологии. Так, нарративный анализ сфокусирован на реально имеющемся объекте изучения — любым образом зафиксированных (устно, письменно) нарративах личного опыта и иных нарративных формах эмпирических данных (Franzosi, 1998). Аналогичным образом биографический анализ сосредоточен на особом типе данных — социобиографических — и оказывается подвидом нарративного анализа; разговорный анализ — на диалогах и разговорах, т. е. независимо от используемых приемов транскрибирования и анализа данных для констатации проведения нарративного, биографического или разговорного анализа необходимо иметь в своем распоряжении совершенно конкретные «объекты» (нарративы, биографии, разговоры). Исходя из этого нас не должны смущать попытки структурировать поле нарративных исследований (Ярская-Смирнова, 1997), выделяя подвиды нарративного анализа: драматический («переписывание» нарративов в драматургической перспективе разыгрывания социального взаимодействия посредством смены ролей и идентичностей — Бредникова, 1997), социолингвистический (изучение синтаксиса, семантики, речевой пунктуации и других лингвистических характеристик нарратива как социокультурно детерминированных (Abu-Akel, 1999)) и структурный (сведение текстов к логико-хронологической упорядоченности их инвариантных компонентов (Franzosi, 1998: 524)) — речь идет просто о разных акцентах в работе с одним и тем же объектом, нарративами. Каким именно образом мы их изучаем — привлекая ресурсы лингвистического, сценарного, биографического, критического дискурс-анализа или самой «количественной» версии классического контент-анализа — особого значения не имеет.

Напротив, дискурс-анализ — «зонтичный» термин над разнообразными междисциплинарными направлениями текстового анализа, которые объединяет только фокус исследовательского интереса (предмет изучения — некий дискурс) и требование обязательного учета контекста создания и существования любого текста (социального, культурного, политического, группового и др.). В рамках дискурс-

анализа исследователи либо стремятся обнаружить в текстах «свидетельства» приверженности их авторов определенному дискурсу (расистскому, антикоммунистическому и пр.), т. е. действуют в русле «нисходящей логики» анализа данных (Татарова, 1999); либо пытаются реконструировать доминантный дискурс, скажем, биографических повествований представителей определенного поколения («восходящая логика» анализа данных (см., напр.: Цветаева, 1999)). В подобной трактовке становится понятен переход от реальных нарративов к неким конструктам (словосочетаниям со словом «дискурс») через метанарративы, если, конечно, отталкиваться не от философского их определения, например, Ж.-Ф. Лиотаром (Лиотар, 1998), а социально-психологического (образы «правильного» и «неправильного» мира, защищающие и адаптирующие человека к его жизненной ситуации (Улыбина, 2001: 78–85)) или социологического («публичные мифы» (Робертс, 2004: 14), или доминирующие социальные представления и «сценарии», например, «несчастливого советского детства»). Кроме того, если я тем или иным способом «ищу» в текстах конституирующий и структурирующий их дискурс, то тип данных мало что определяет: можно работать и с вербальными, и с невербальными (фотографии) «текстами» (Барт, 2000: 244).

Конечно, в случае «нисходящей логики» и письменных текстов все очень понятно и предсказуемо, если, скажем, следовать модели дискурс-анализа, предложенной Н. Фэйркло (Fairclough, 1993): 1) выбор проблемы (объяснительная критика несправедливого положения дел в обществе); 2) формулировка проблемы (описание социальной практики как конституируемой дискурсивно); 3) отбор материалов (при необходимости конструирование выборки текстов и транскрибирование записей интервью с заданными целями исследования степенью детализации); 4) трехуровневый дискурс-анализ — дискурсивной практики (производства и восприятия текстов), лингвистических характеристик текстов и социальной практики (недискурсивного контекста, «социальной матрицы дискурса»); 5) подготовка отчета, где должны присутствовать не только интерпретации, но и четкое описание последовательности шагов, с помощью которой исследователь пришел к подобным выводам и которую при желании сможет воспроизвести заинтересованный читатель. На третьем этапе могут использоваться любые типы выборки, даже самые «количественные», на четвертой — любые приемы лингвистического анализа и контент-аналитические процедуры.

Безусловно, предлагаемый вариант структурирования социологического поля текстового анализа — лишь один из возможных для прояснения, по крайней мере, критериев корректной номинации исследовательской работы, но он игнорирует проблемы теоретической и эмпирической интерпретации понятий «внутри» базовых видов текстового анализа («нарратив» и «дискурс» могли бы выиграть конкурс самых многозначных и одновременно самых широко употребляющихся как само собой разумеющихся понятий, если бы таковой проводился). В данной все набирающей популярность области (текстового анализа) необходимо ставить и обсуждать общие для методологии социологических исследований вопросы, потому что

иначе грань между научной работой и публицистикой (и даже художественным творчеством) становится очень зыбкой, особенно когда речь идет о слабоструктурированных биографических данных и их «интерпретативном анализе»: через соотношение рациональных и риторических элементов текстов (Edwards, Martin, 2004: 148); выделение моментов «эпифании» (особого опыта, важного события индивидуальной жизни, которое изменило ее «историю» и помогло человеку сформировать представление о самом себе (Хамфри, 1997: 83)); обозначение фрагментов, характеризующих навыки автора осмысливать события собственной жизни, и краткий пересказ биографии в этом ракурсе (см., напр.: Мещеркина, 2004а: 91–130; Цветаева, 1999; Семенова, Фотева, 1996: 298); разбивку рассказа информанта на блоки в соответствии с предложенными им или вычлененными исследователем тематизациями («измерениями», «кластерами», «рамочными фреймами» (см., напр.: Мещеркина, 2004б: 87–93; Ушакин, 2004а: 450–452)); «социологическое чтение/пересказ/переписывание» нарратива с помощью метафоры «сценария» как принимаемого или, наоборот, отвергаемого человеком набора адекватных культуре нормативных образцов поведения в определенной сфере повседневных практик (см., напр.: Клецин, 1999: 22–24; Козлова, 1999) и т. д.

Прочитайте следующие высказывания, прекрасно суммирующие особенности, возможности и ограничения работы с текстовыми данными, особенно социобиографического характера, не заглядывая в сноски:

- «В часы, когда наша фантазия и ассоциативное мышление достигают пика своих возможностей, мы уже не читаем написанного на бумаге — мы плывем в потоке побуждений и идей, которые устремляются к нам из прочитанного. Их рождает текст, но может породить и самый вид печатных знаков. Газетная реклама может стать откровением. Самая радостная, самая жизнеутверждающая мысль может возникнуть из совершенно безразличного слова, если мы его перевернули, если мы затеяли игру с его буквами, как с детской мозаикой. И тут сказку о Красной Шапочке можно прочесть как космогонию или философский трактат или как сочное эротическое описание»⁷.
- «Жизнь не зафиксировать, не передать, не удержать! Я не смогу передать или пересказать... ее интонации, ее обороты, ее словечки, ее истории. И даже если бы я сделал тысячи снимков, записал бы массу рассказов, все равно эти записи и фотографии ничего не сохранят и не сберегут... И вот я с ужасом и радостью понимаю, что у меня нет средств и возможностей передать словами то, что я видел, слышал, вдыхал и знал»⁸.
- «Он вообще не был уверен, все ли, что когда-то думал и чувствовал, изначально было его собственным достоянием, или любые мысли существуют на свете с давних пор уже готовыми, и люди берут их взаймы, как из публичной библиотеки»⁹.

7. Гессе Г. (2010). Магия книги: эссе о литературе. СПб. С.52.

8. Гришкова Е. (2007). Следы на мне. М. С.297.

9. Кундера М. (2008). Жизнь не здесь. СПб. С. 46.

- «Одиночество... недостижимо именно потому, что нельзя остаться воистину наедине с самим собой — вне этих отражений, которые оставили в тебе прошедшие мимо, без обильного репья обид, и ошибок, и огорчений. Какое может быть одиночество, когда у человека есть память, — она всегда рядом, строга и спокойна. Что за одиночество, если все прожитое — в тебе и с тобой, словно ты мороженщик, который все распродал, но ходит со своим лотком и, ложась спать, кладет его рядом, холодный...»¹⁰.
- «Совершенно обычно одни и те же вещи по-разному предстают перед каждым из нас... С годами в памяти не остается физических ощущений неприятных запахов или усталости. Всплывает в памяти только светлое и хорошее. Со временем в воспоминаниях моменты настоящего счастья предстают в самых неожиданных обличьях»¹¹.
- «Прочтите две истории одной и той же войны, написанные в двух враждовавших странах. Прочтите биографию великого человека, вышедшую из-под пера того, кто питает к нему презрение, а потом — его автобиографию... Ваш друг расскажет историю, произошедшую с вами обоими, так, что у вас возникнет сомнение, а было ли это вообще, но зато рассказывает он об этом куда забавнее, чем было на самом деле; или он вас обоих выставляет в лучшем свете, а вы промолчите, и скоро другие будут рассказывать эту историю, присовокупив к ней что-нибудь свое, а немного спустя вы сами, зная, что ничего этого не было, будете рассказывать ее с новыми подробностями... Те из нас, кто ведет дневники, время от времени обнаруживают, что (без всякого злого умысла, не намереваясь сочинять и не дрожа над своей репутацией) мы вспоминаем о том или ином событии совсем не так, как было на самом деле. Немалую часть нашей жизни мы можем просто и ясно рассказывать о каком-либо происшествии, оно не вызывает у нас никаких сомнений и вопросов и кажется нам в воспоминаниях таким отчетливым. И вдруг мы находим отчет о нем, написанный нашей же рукой, по горячим следам, и нам становится ясно, что дело обстояло совсем не так, как мы об этом помним!»¹².
- «Реальность — вопрос перспективы; чем больше вы удаляетесь от прошлого, тем более конкретным и вероятным оно кажется. Представьте, что вы находитесь в длинном кинозале: сперва сидите в последнем ряду, а затем постепенно, ряд за рядом, продвигаетесь, пока чуть ли не уткнетесь носом в экран. Мало-помалу лица кинозвезд расползаются в мелькающей зерни, мелкие детали приобретают гротескные пропорции; иллюзия распадается — или, вернее, становится ясно, что иллюзия и есть реальность»¹³.

10. Прилепин З. (2008). Санька. М. С. 33.

11. Банана Ёсимото. (2008). Озеро. СПб. С. 171, 179.

12. Бэнкс И. М. (2007). Инверсии. М., СПб. С. 422–423.

13. Рушди С. (2006). Дети полуночи. СПб. С. 255.

- «На историях «от первого лица», как правило, всегда лежит послесобытийный глянец. Человек подчищает ластиком помарки на своей биографии»¹⁴.
- «Чем блуждать по лабиринту лингвистического выражения смысла, лучше вернуть происшествие на позиции простого человека, отбросить специфические термины, и отследить его заново, что позволит проще увидеть разные вещи... Предположим, что мы встретили на унылой безлюдной дороге странного человека с посохом. На вид ростом сантиметров сто шестьдесят, худощавый и бедно одетый. И посох — не посох, а пестик такой. Это — факт. Но если судить по ощущению в момент, когда мы поравнялись, мне показалось, что это мощный человек ростом около ста восьмидесяти. И то, что он держал в руке, выглядело железной палицей. Сердечко так и застучало. Спрашивается, где правда? Думаю, то, что было после, субъективная правда. По-хорошему, конечно, нужно выстроить в ряд и то и другое, но если получится так, что возможно будет взять лишь одно из двух, я, по крайней мере при этом условии, больше хочу заполучить свою субъективную правду, чем факты. Мир — то, что отражается в каждой паре глаз. Собрать их побольше, обобщить — и обнаружатся видимые факты»¹⁵.
- «Через механизм памяти мы иногда редактируем события так, чтобы они стали более понятны, опускаем нежелательные моменты, меняем события местами по времени, делаем дополнения, смешиваем свои воспоминания с воспоминаниями других... Если есть некоторые различия с тем, что действительно имело место, то это естественно — такая возможность свойственна любому «устному рассказу». Фактическая сторона «устного рассказа» может отличаться от реальности в мелких деталях, но это ни в коем случае не является ложью — это неопровержимый факт, изложенный в иной форме»¹⁶.
- «Самое трудное на свете — рассказывать о себе. Проблема выбора слов. Какое прилагательное описывает то, что является тобою? И тем более — то, что являлось. Поскольку суть любой биографии таится в грамматической категории прошедшего времени. Будущее время легкомысленно и поверхностно. У настоящего слишком сухие черты... Отсюда — легкое волнение и глуповатый вид, когда начинаешь вспоминать то, что было. Потому что, в конце концов, все это важно только для одного человека»¹⁷.
- «...Фальшивые сюжеты, в которые загоняем свое прошлое, шаблоны, формулы, придуманные для того, чтобы хоть как-то упорядочить, определить себя... Стоит только прожить нечто, как это нечто тут же превращается в показательный пример, в схему... Вот почему все — неправда. Потому что в процессе проживания человек воспринимает все совершенно иначе»¹⁸.

14. Рубина Д. (2005). Мастер-тарабука. М. С. 275.

15. Мураками Х. (2006). Край обетованный (Подземка-2). М. С. 201, 211.

16. Мураками Х. (2006). Подземка. М. С. 579.

17. Геласимов А. (2009). Автобиография // Жажда: авторский сборник. М. С. 314.

18. Лессинг Д. (2009). Золотая тетрадь. СПб. С. 6, 265.

- «Наши жизни — эпизод за эпизодом... а не внятная история... в них отсутствует четко заявленная тема, за которой следовало бы развитие, вариации, реприза, кода и яркий финал. Случается расслышать духоподъемную арию, но прозаичного речитатива куда больше, а сквозная композиция почти не прослеживается... И когда на пороге смерти, оглядываясь на прожитое, „мы понимаем наше повествование“... то не просто фантазируем: мы перерабатываем странные, непостижимые, противоречивые данные в некую правдоподобную историю — но правдоподобную в основном только для нас самих... Доктора, священники и писатели сговорились представлять человеческую жизнь как историю, идущую к значимой развязке. Мы послушно делим нашу жизнь на периоды, как популярные историки любят делить век на десятилетия и привешивать к каждому свой ярлык»¹⁹.
- «Старая, как мир, головоломка для биографа: даже если человек рассказывает свою собственную жизнь, он непременно приукрашивает факты, переименовывает события, а то и вовсе выдумывает все от начала до конца»²⁰.
- «В нашем мире с пониманием большие проблемы: по большому счету никто никого не понимает. Я бы даже сказал, что человек очень часто не понимает сам себя... Какой зазор между тем, что мы сами о себе думаем, что думают о нас окружающие и чем мы являемся на самом деле... Как прекрасно, когда эти три измерения более или менее совпадают, и как мучительно существование человека, когда этого совпадения нет»²¹.
- «Некоторые воспоминания надо дополнить... Иногда слишком очевидны пробелы... Нужно вернуть на место выплеснутого с водой ребенка... Какие-то вещи понимаешь лишь задним умом: подстилаешь соломку там, где уже упал... Воспоминания любят по-детски играть в прятки. Таятся. Склонны к лести и прикрасам, часто безо всякой на то нужды. Препираются со сварливой памятью, которая с мелочным педантизмом пытается доказать свою правоту... Неточные воспоминания иногда приближают к правде, пусть даже окольными путями и всего лишь на длину спички»²².

А теперь посмотрите в сноски. Какое отношение все эти книги имеют к социологии? Никакого, но проблему «маргинальности» социологического чтения «человеческих документов» фиксируют замечательно. В нынешней ситуации понятийно-категориального, теоретического и методологического сумбура и поразительного игнорирования методических проблем текстового анализа социологии в сфере «умных сентенций» приходится практически конкурировать с художественной литературой, которая пока явно выигрывает благодаря отсутствию научных претензий, а также образности, метафоричности и в целом существенно более риторически насыщенному «языку», а жаль.

19. Барнс Дж. (2011). Нечего бояться. М., СПб. С. 288–289.

20. Рушди С. (2007). Прощальный вздох мавра. СПб. С. 166.

21. Улицкая Л. (2006). Даниэль Штайн, переводчик. М. С. 48, 302.

22. Грасс Г. (2008). Луковица памяти. М. С. 9–11.

Литература

- Аверьянов Л. Я.* (2009). Контент-анализ. М.: КноРус.
- Барт Р.* (2001). *S/Z* / Пер. с фр. Г. К. Косикова, В. П. Мурат. М.: Эдиториал УРСС.
- Барт Р.* (2000). Мифологии / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых.
- Батыгин Г. С.* (2002). Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива // Вестник Тюменского государственного нефтегазового университета. Вып. 20: Моральный выбор / Под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики. С. 46–53.
- Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* (1994). Миф о качественной социологии // Социологический журнал. № 2. С. 28–42.
- Богомолова Н. Н., Стефаненко Т. Г.* (1992). Контент-анализ: спецпрактикум по социальной психологии. М.: Изд-во Московского ун-та.
- Божков О. Б.* (2001). Биографии и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. № 1. С. 74–87.
- Бредникова О.* (1997). «Семейная» и «коллективная» память: способы конструирования этнической идентичности // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 1996) / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб.: ЦНСИ. С. 70–74.
- Ван Дейк Т. А.* (2014). Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Аматава. М.: Либроком.
- Воробьева А. В.* (1999). Текст или реальность: постструктурализм в социологии знания // Социологический журнал. № 3/4. С. 90–99.
- Воронков В., Чикадзе Е.* (Ред.). (2009). Уйти, чтобы остаться: социолог в поле. СПб.: Алетейя.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* (2003). Прикладная социология. М.: Центр социального прогнозирования.
- Готлиб А. С.* (2004). Автоэтнография: разговор с самим собой в двух регистрах // Социология: 4М. № 19. С. 5–31.
- Готлиб А. С.* (2002). Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики. Самара: Изд-во СамГУ.
- Готлиб А. С.* (2001). Качественная социология: предпосылки, контуры, проблемы // Сборник научных трудов ученых и аспирантов социологического факультета. Самара: Изд-во СамГУ. С. 36–45.
- Давыдов А. А.* Фатальная ошибка социологии. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=348 (дата доступа: 26.05.2014).
- Дмитриева Е. В.* (1998). Фокус-группы в маркетинге и социологии. М.: Центр.

- Добренъков В. И., Кравченко А. И. (2004). Методы социологического исследования. М.: Инфра-М.
- Клецин А. А. (Ред.). (1999). Гендерные тетради. Вып. 2. СПб.: Ин-т социологии РАН.
- Козлова Н. Н. (1999). «Повесть о жизни с Алешей Паустовским»: социологическое переписывание // Социологические исследования. № 5. С. 20–33.
- Козлова Н. Н. (2000). Социологические чтения «человеческих документов», или Размышления о значимости методологической рефлексии // Социологические исследования. № 9. С. 22–32.
- Козлова Н., Сандомирская И. (1997). «Наивное письмо» и производители нормы // Коллаж: социально-философский и философско-антропологический альманах / Под ред. В. А. Кругликова. М.: Ин-т философии РАН. С. 7–32.
- Коробейников В. С. (1985). Методы качественно-количественного анализа содержания документов // Методы анализа документов в социологических исследованиях / Под ред. В. Г. Андреевкова, О. М. Масловой. М.: Ин-т социологических исследований АН СССР. С. 10–66.
- Лиотар Ж.-Ф. (1998). Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя.
- Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. (1997). Политология: методы исследования. М.: Весь Мир.
- Мещеркина Е. Ю. (Ред.). (2004). Устная история и биография: женский взгляд. М.: Невский простор.
- Мещеркина Е. Ю. (2004б). «...Я была домашним, дворовым ребенком» // ИНТЕР. № 2–3. С. 87–93.
- Неклюдов С. И. (Сост.). (2001). «Наивная литература»: исследования и тексты. М.: Московский общественный научный фонд.
- Ньюман Л. (1998). Неопросные методы исследования / Пер. с англ. Е. А. Баллаевой // Социологические исследования. № 6. С. 119–129.
- Осипов Г. В. (Ред.). (2003). Рабочая книга социолога. М.: УРСС.
- Робертс Б. (2004). Конструирование индивидуальных мифов / Пер. с англ. В. Семеновой // ИНТЕР. № 2–3. С. 7–15.
- Розов Н. С. Главный дефицит — конструктивные теории как основа для программ сбора и обработки социологических исторических данных (ответ на статью Ю. Н. Толстой и заметку А. А. Давыдова). URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=407 (дата доступа: 26.05.2014).
- Руус Й. П. (1997). Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам автобиографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 1996) / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб.: ЦНСИ. С. 7–14.
- Семенова В. В., Фотеева Е. В. (Ред.). (1996). Судьбы людей: Россия XX век: биографии семей как объект социологического исследования. М.: Ин-т социологии РАН.

- Серио П.* (Ред.). (2002). Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс.
- Страусс А., Корбин Дж.* (2001). Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС.
- Таршиш Е. Я.* (2002). Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: 4М. № 15. С. 71–92.
- Таршиш Е. Я.* (2012). Исторические корни контент-анализа: два базовых текста по методологии контент-анализа. М.: Либроком.
- Таршиш Е. Я.* (2014). Контент-анализ: принципы методологии. М.: Либроком.
- Татарова Г. Г.* (1999). Методология анализа данных в социологии. М.: Nota Bene.
- Тернер Р.* (1992). Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. Т. 1. № 1. С. 121–133.
- Толстова Ю. Н.* «Поиск смыслов» и использование математического аппарата в социологии (ответ на заметку А. А. Давыдова). URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=404 (дата доступа: 26.05.2014).
- Томпсон П.* (2003). Голос прошлого: устная история / Пер. с англ. М. Коробочкина, Е. Криштофа, Г. Бляблина. М.: Весь Мир.
- Троцук И. В.* (2005). Социология военных конфликтов: события 1994–2001 гг. на территории Чечни // Общество и государство: Материалы Международного семинара (4–5 ноября 2004 г.). М.: МВШСЭН. С. 111–127.
- Троцук И. В.* (2006). Групповая беседа как метод пилотажного исследования (на примере изучения современной молодежи Кавказа) // Вестник РУДН. Серия «Социология». № 1. С. 21–38.
- Троцук И. В.* (2007). Контент-анализ как инструмент заимствования эффективных механизмов проектного управления // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. № 1. С. 122–129.
- Улыбина Е. В.* (2001). Психология обыденного сознания. М.: Смысл.
- Ушакин С.* (Ред.). (2004а). Семейные узы: модели для сборки. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение.
- Ушакин С.* (2004б). Количественный стиль как симптом // Неприкосновенный запас. № 3. С. 31–34.
- Федотова Л. Н.* (2001). Анализ содержания — социологический метод изучения средств массовой коммуникации. М.: Ин-т социологии РАН.
- Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.* (2004). Дискурс-анализ: теория и метод / Пер. с англ. А. А. Киселёвой. Харьков: Гуманитарный Центр.
- Хамфри Р.* (1997). Эпифании и социальные карьеры: влияние решающих моментов жизни на биографию // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: Материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 1996) / Под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой. СПб.: ЦНСИ. С. 82–85.
- Цветева Н. Н.* (1999). Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал. № 1/2. С. 150–163.

- Чураков А. Н. (1996). Компьютерный контент-анализ. М.: Ин-т социологии РАН.
- Шалак В. И. (2004). Современный контент-анализ: приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. М.: Омега-А.
- Ядов В. А. (1998). Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет.
- Ярская-Смирнова Е. Р. (1997). Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. № 3. С. 38–61.
- Abu-Akel A. (1999). Episodic boundaries in conversational narratives // *Discourse Studies*. Vol. 1. № 4. P. 437–453.
- Anderson L. (2006). Analytic autoethnography // *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 35. № 4. P. 373–395.
- Edwards J., Martin J. R. (2004). Introduction: approaches to tragedy // *Discourse & Society*. Vol. 15. № 2–3. P. 147–154.
- Fairclough N. (1993). Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities // *Discourse & Society*. Vol. 4. № 2. P. 133–168.
- Franzosi R. (1998). Narrative analysis — or why (and how) sociologists should be interested in narrative // *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. P. 517–554.
- Green E. C. (2001). Can qualitative research produce reliable quantitative findings? // *Field Methods*. Vol. 13. № 1. P. 3–19.
- Patton M. Q. (2002). Two decades of developments in qualitative inquiry // *Qualitative Social Work*. Vol. 1. № 3. P. 261–283.
- Seale C. (1999). Quality in qualitative research // *Qualitative Inquiry*. Vol. 5. № 4. P. 465–478.
- Suchan J. (2004). Writing, authenticity, and knowledge creation: why I write and you should too // *Journal of Business Communication*. Vol. 41. № 3. P. 302–315.
- Vincent R. C. (2000). A narrative analysis of US press coverage of Slobodan Milosevic and the Serbs in Kosovo // *European Journal of Communication*. Vol. 15. № 3. P. 321–344.
- Weber R. P. (1990). *Basic content analysis*. Newbury Park: SAGE.

“Marginality” of Textual Analysis: The Problem of Sociological “Reading”

Irina Trotsuk

Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia

Address: 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation 117198

E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

The second half of the twentieth century was marked by a wave of the so-called “turns” — “linguistic turn”, “narrative turn”, “biographical turn” and “visual turn”, which have led to an obvious shift in research interests and methodological choices in humanities and social sciences. The

researchers from various disciplinary fields have admitted that, to understand the logic of different forms of knowledge, we have to examine their “textual” (narrative, storytelling) nature; that any research in the social, political, psychological or cultural sphere turns out to be focused on linguistic issues; that social reality is inherently textual and that all social practices are constituted and structured by discourses and intense struggles of different discourses. Sociology did not stand to the side of such methodological changes: at least for two and a half decades the concepts “narrative” and “narrative analysis”, “discourse” and “discourse analysis”, “text”, “context”, “intertext”, etc. have been extremely popular at the theoretical and empirical levels. Nonetheless, we still have not received their precise definitions and they are interpreted quite arbitrarily, being based on the conceptual and methodological preferences of the researcher, as well as the goals and objectives of the particular applied or fundamental research project. The article identifies the key themes of the ongoing and, unfortunately, missing methodological discussions in the field of textual analysis that would be quite useful to clarify at least the criteria for the correct naming of different formats of analytical work with textual data.

Keywords: text, textual analysis, narrative, narrative analysis, discourse, discourse analysis, content analysis

References

- Abu-Akel A. (1999) Episodic boundaries in conversational narratives. *Discourse Studies*, vol. 1, no 4, pp. 437–453.
- Anderson L. (2006) Analytic autoethnography. *Journal of Contemporary Ethnography*, vol. 35, no 4, pp. 373–395.
- Averianov L. (2009) *Kontent-analiz* [Content Analysis], Moscow: KnoRus.
- Barthes R. (2001) *S/Z*, Moscow: URSS.
- Barthes R. (2000) *Mifologii* [Mythologies], Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
- Batygin G. (2002) Kar'era, jetos i nauchnaja biografija: k semantike avtobiograficheskogo narrativa [Career, Ethos and Scientific Biography: Toward the Semantics of Autobiographical Narrative]. *Vedomosti Tjumenskogo gosudarstvennogo neftegazovogo universiteta. Vyp. 20: Moral'nyj vybor* [Tyumen State Oil and Gas University Semestrial Papers, Issue 20: Moral Choice] (eds. V. Bakshtanovsky, N. Karnaukhov), Tyumen: Applied Ethics Research Institute, pp. 46–53.
- Batygin G., Devyatko I. (1994) Mif o kachestvennoj sociologii [The Myth of Qualitative Sociology]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 2, pp. 28–42.
- Bogomolova N., Stefanenko T. (1992) *Kontent-analiz: specpraktikum po social'noj psihologii* [Content Analysis: A Practical Course of Social Psychology], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Bozhkov O. (2001) Biografii i genealogii: retrospektivy social'no-kul'turnyh transformacij [Biographies and Genealogies: Retrospectives of Social and Cultural Transformation]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 1, pp. 74–87.
- Brednikova O. (1997) “Semejnaja” i “kollektivnaja” pamjat': sposoby konstruirovaniya jetnicheskoy identichnosti [“Family” and “Collective” Memory: Ways of Constructing Ethnical Identity]. *Biograficheskij metod v izuchenii postsocialisticheskikh obshchestv: Materialy mezhdunarodnogo seminara (Sankt-Peterburg, 14–17 nojabrja 1996)* [Biographical Perspectives on Post-Socialist Societies: Proceedings of the Seminar Held in Saint-Petersburg (14–17 November 1996)] (eds. V. Voronkov, E. Zdravomyslova), Saint-Petersburg: CISR, pp. 70–74.
- Churakov A. (1996) *Komp'yuternyj kontent-analiz* [Computer Content Analysis], Moscow: Institut sociologii RAN.
- Davydov A. *Fatal'naja oshibka sociologii* [Fatal Mistake of Sociology]. Available at: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=348 (accessed 26 May 2014).
- Dmitrieva E. (1998) *Fokus-gruppy v marketinge i sociologii* [Focus Groups in Marketing and Sociology], Moscow: Centr.
- Dobrenkov V., Kravchenko A. (2004) *Metody sociologicheskogo issledovanija* [Methods of Sociological Research], Moscow: Infra-M.

- Edwards J., Martin J. R. (2004) Introduction: approaches to tragedy. *Discourse & Society*, vol. 15, no 2–3, pp. 147–154.
- Fairclough N. (1993) Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities. *Discourse & Society*, vol. 4, no 2, pp. 133–168.
- Fedotova L. (2001) *Analiz sodержanija — sociologicheskij metod izuchenija sredstv massovoj kommunikacii* [Analysis of Content — A Sociological Method of Media Studies], Moscow: Institut sociologii RAN.
- Franzosi R. (1998) Narrative analysis — or why (and how) sociologists should be interested in narrative. *Annual Review of Sociology*, vol. 24, pp. 517–554.
- Gorshkov M., Sheregi F. (2003) *Prikladnaja sociologija* [Applied Sociology], Moscow: Centr social'nogo prognozirovanija.
- Gotlib A. (2004) Avtojetnografija: razgovor s samim soboj v dvuh registrah [Autoethnography: A Conversation with Oneself in Two Registers]. *Sociologija: 4M*, no 19, pp. 5–31.
- Gotlib A. (2002) *Vvedenie v sociologicheskoe issledovanie* [An Introduction to Sociological Research], Samara: Izdatel'stvo SamGU.
- Gotlib A. (2001) Kachestvennaja sociologija: predposylki, kontury, problemy [Qualitative Sociology: Premises, Contours, Problems]. *Sbornik nauchnyh trudov uchenyh i aspirantov sociologicheskogo fakul'teta* [Scholarly Works of Researchers and Postgraduate Students of Sociological Faculty], Samara: Izdatel'stvo SamGU, pp. 36–45.
- Green E. C. (2001) Can qualitative research produce reliable quantitative findings? *Field Methods*, vol. 13, no 1, pp. 3–19.
- Hamfri R. (1997) Jepifanii i social'nye kar'ery: vlijanie reshajushhих momentov zhizni na biografiju [Epiphanies and Social Careers: The Influence of Decisive Moments of Life on the Biography]. *Biograficheskij metod v izuchenii postsocialisticheskikh obshhestv: Materialy mezhdunarodnogo seminara (Sankt-Peterburg, 14–17 nojabrja 1996)* [Biographical Perspectives on Post-Socialist Societies: Proceedings of the Seminar Held in Saint-Petersburg (14–17 November 1996)] (eds. V. Voronkov, E. Zdravomyslova), Saint-Petersburg: CISR, pp. 82–85.
- Kletchin A. (ed.) (1999) *Gendernye tetradi. Vyp. 2* [Gender Notebooks, Issue 2], Saint-Petersburg: Institut sociologii RAN.
- Kozlova N., Sandomirskaya I. (1997) "Naivnoe pis'mo" i proizvoditeli normy ["Naive Writing" and Producers of Truth]. *Kollazh: social'no-filosofskij i filosofsko-antropologicheskij al'manah* [Collage: Socio-Philosophical and Philosophico-Athropological Almanac] (ed. V. Kruglikov), Moscow: Institut filosofii RAN, pp. 7–32.
- Kozlova N. (1999) "Povest' o zhizni s Aleshej Paustovskim": sociologicheskoe perepisyvanie ["A Story of Life with Aliosha Paustovsky": Sociological Rewriting]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 5, pp. 20–33.
- Kozlova N. (2000) Sociologicheskie chtenija "chelovecheskih dokumentov", ili Razmyshlenija o znachimosti metodologicheskoi refleksii [Sociological Reading of "Human Documents"; or, Meditations on the Meaning of Methodological Reflexion]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 9, pp. 22–32.
- Korobeinikov V. (1985) Metody kachestvenno-kolichestvennogo analiza sodержanija dokumentov [Methods of Qualitative-Quantitative Analysis of Documents' Contents]. *Metody analiza dokumentov v sociologicheskikh issledovanijah* [Methods of Document Analysis in Sociological Research] (eds. V. Andreenkov, O. Maslova), Moscow: Institut sociologicheskikh issledovanij AN SSSR, pp. 10–66.
- Liotard J.-F. (1998) *Sostojanie postmoderna* [Postmodern Condition], Saint-Petersburg: Aletejja.
- Manheim J. B., Rich R. C. (1997) *Politologija: metody issledovanija* [Empirical Political Analysis], Moscow: Ves' Mir.
- Meshcherkina E. (ed.) (2004) *Ustnaja istorija i biografija: zhenskij vzgljad* [Oral History and Biography: Women's View], Moscow: Nevskij prostor.
- Meshcherkina E. (2004) "...Ja byla domashnim, dvorovym rebenkom" ["...I was a home, backyard kid"]. *INTER*, no 2–3, pp. 87–93.
- Nekludov S. (ed.) (2001) *"Naivnaja literatura": issledovanija i teksty* ["Naive Literature": Studies and Texts], Moscow: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond.

- Newman L. (1998) Neoprosnye metody issledovanija [Nonreactive Methods of Research]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 6, pp. 119–129.
- Osipov G. (ed.) (2003) *Rabochaja kniga sociologa* [Sociologist's Workbook], Moscow: URSS.
- Patton M. Q. (2002) Two decades of developments in qualitative inquiry. *Qualitative Social Work*, vol. 1, no 3, pp. 261–283.
- Phillips L. J., Jorgensen M. V. (2004) *Diskurs-analiz: teorija i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method], Harkiv: Gumanitarnyj Centr.
- Roberts B. (2004) Konstruirovanie individual'nyh mifov [The Construction of Personal Myths]. *INTER*, no 2–3, pp. 7–15.
- Rozov N. *Glavnyj deficit — konstruktivnye teorii kak osnova dlja programm sbora i obrabotki sociologicheskikh istoricheskikh dannyh (otvet na stat'ju Ju. N. Tolstovoj i zametku A. A. Davydova)* [The Main Deficit Is Constructive Theories as a Basis for Sociological Historical Data Gathering and Processing Programs (Response to Y. Tolstova's Article and A. Davydov's Remark)]. Available at: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=407 (accessed 26 May 2014).
- Roos J. P. (1997) Kontekst, autentichnost', referencial'nost', refleksivnost': nazad k osnovam avtobiografii [Context, Authenticity, Referentiality, Reflexivity: Back to Basics of Autobiography]. *Biograficheskij metod v izuchenii postsocialisticheskikh obshhestv: Materialy mezhdunarodnogo seminara (Sankt-Peterburg, 14–17 nojabrja 1996)* [Biographical Perspectives on Post-Socialist Societies: Proceedings of the Seminar Held in Saint-Petersburg (14–17 November 1996)] (eds. V. Voronkov, E. Zdravomyslova), Saint-Petersburg: CISR, pp. 7–14.
- Seale C. (1999) Quality in qualitative research. *Qualitative Inquiry*, vol. 5, no 4, pp. 465–478.
- Semenova V., Foteeva E. (eds.) (1996) *Sud'by ljudej: Rossija XX vek: biografii semej kak ob'ekt sociologicheskogo issledovanija* [People's Fates: Russia in the 20th Century: Family Biographies as an Object of Sociological Research], Moscow: Institut sociologii RAN.
- Sériot P. (ed.) (2002) *Kvadratura smysla: francuzskaja shkola analiza diskursa* [The Quadrature of Sense: French School of Discourse Analysis], Moscow: Progress.
- Shalak V. (2004) *Sovremennij kontent-analiz: prilozhenija v oblasti politologii, psihologii, sociologii, kul'turologii, jekonomiki, reklamy* [Modern Content Analysis: Application in Political Science, Sociology, Cultural Studies, Economics, Advertising], Moscow: Omega-A.
- Strauss A., Corbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovanija: obosnovannaja teorija, procedury i tehniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques], Moscow: URSS.
- Suchan J. (2004) Writing, authenticity, and knowledge creation: why I write and you should too. *Journal of Business Communication*, vol. 41, no 3, pp. 302–315.
- Tarshis E. (2002) Perspektivy razvitija metoda kontent-analiza [Perspectives of the Development of Content Analysis Method]. *Sociologija: 4M*, no 15, pp. 71–92.
- Tarshis E. (2012) *Istoricheskie korni kontent-analiza: dva bazovyh teksta po metodologii kontent-analiza* [Historical Roots of Content Analysis: Two Basic Texts on the Methodology of Content Analysis], Moscow: Librokom.
- Tarshis E. (2014) *Kontent-analiz: principy metodologii* [Content Analysis: Principles of Methodology], Moscow: Librokom.
- Tatarova G. (1999) *Metodologija analiza dannyh v sociologii* [Methodology of Data Analysis in Sociology], Moscow: Nota Bene.
- Turner R. (1992) Sravnitel'nyj kontent-analiz biografij [Comparative Content Analysis of Biographies]. *Voprosy sociologii*, vol. 1, no 1, pp. 121–133.
- Tolstova Y. "Poisk smyslov" i ispol'zovanie matematicheskogo apparata v sociologii (otvet na zametku A. A. Davydova) ["The Search for Meaning" and the Use of Mathematical Apparatus in Sociology [Response to A. Davydov's Remark]]. Available at: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=404 (accessed 26 May 2014).
- Thompson P. (2003) *Golos proshlogo: ustnaja istorija* [Voice of the Past: Oral History], Moscow: Ves' Mir.
- Trotsuk I. (2005) Sociologija voennyh konfliktov: sobytija 1994–2001 gg. na territorii Chechni [Sociology of Military Conflicts: The Events of 1994–2001 in Chechnya]. *Obshhestvo i gosudarstvo:*

- Materialy Mezhdunarodnogo seminara (4–5 nojabrja 2004 g.)* [Society and State: Proceedings of International Seminar (November 4–5 2004)], Moscow: MSSES, pp. 111–127.
- Trotsuk I. (2006) Gruppovaja beseda kak metod pilotazhnogo issledovanija (na primere izuchenija sovremennoj molodezhi Kavkaza) [Group Discussion as a Method of Pilot Research (Evidence from the Study of Modern Kavkaz Youth)]. *Vestnik RUDN. Serija "Sociologija"*, no 1, pp. 21–38.
- Trotsuk I. (2007) Kontent-analiz kak instrument zaimstvovanija jeffektivnyh mehanizmov proektnogo upravljenija [Content Analysis as a Tool for Adopting Effective Mechanisms of Project Management]. *Vestnik Kalmyckogo instituta social'no-jekonomicheskikh i pravovyh issledovanij*, no 1, pp. 122–129.
- Tsvetaeva N. (1999) Biograficheskij diskurs sovetskoj jepohi [Biographical Discourse of Soviet Era]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 1/2, pp. 150–163.
- Ulybina E. (2001) *Psihologija obydenного soznaniya* [Psychology of Everyday Consciousness], Moscow: Smysl.
- Ushakin S. (ed.) (2004) *Semejnye uzy: modeli dlja sborki. Kn. 1* [Family Ties: A Model Kit, Book 1], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Ushakin S. (2004) Kolichestvennyj stil' kak simptom [Quantitative Style as a Symptom]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 3, pp. 31–34.
- Van Dijk T. A. (2014) *Diskurs i vlast': reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii* [Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication], Moscow: Librokom.
- Vincent R. C. (2000) A narrative analysis of US press coverage of Slobodan Milosevic and the Serbs in Kosovo. *European Journal of Communication*, vol. 15, no 3, pp. 321–344.
- Vorobieva A. (1999) Tekst ili real'nost': poststrukturalizm v sociologii znaniya [Text or Reality: Poststructuralism in the Sociology of Knowledge]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 3/4, pp. 90–99.
- Voronkov V., Chikadze E. (eds.) (2009) *Ujti, chtoby ostat'sja: sociolog v pole* [Leaving to Stay: A Sociologist in the Field], Saint-Petersburg: Aletejja.
- Weber R. P. (1990) *Basic Content Analysis*, Newbury Park: SAGE.
- Yadov V. (1998) *Strategija sociologicheskogo issledovanija: opisanie, ob'jasnenie, ponimanie social'noj real'nosti* [Strategy of Sociological Research: Description, Explanation, Understanding of Social Reality], Moscow: Dobrosvet.
- Yarskaya-Smirnova E. (1997) Narrativnyj analiz v sociologii [Narrative Analysis in Sociology]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 3, pp. 38–61.